

Хао Су с первого же взгляда раскусил замысел собеседника и кивнул.

— Хорошо, я освобождаюсь примерно в шесть, как подойдешь к входу, отправь мне сообщение. Да, как ты себя чувствуешь, ничего не болит?

Выносливость Фань Цина за пределами личного домена оказалась действительно чуть ниже, чем внутри, и стоило Хао Су лишь слегка поддразнить его, как всё стало очевидно. Хао Су старался беречь его, но Фань Цин сам потребовал, чтобы всё было точно так же, как в личном домене, а в итоге расплакался пуще прежнего. К тому же звукоизоляция в доме оставляла желать лучшего, и Фань Цин, стесняясь кричать во весь голос, всё время сдерживался, в буквальном смысле вырыв яму собственными руками. Сегодня утром, когда Хао Су проснулся, Фань Цин спал с таким сладким выражением на лице. А стоило Хао Су уйти на работу, как проснувшийся Фань Цин завалил его сообщениями. Одно за другим, и глядя на них, ни за что не поверишь, что в реальной жизни Фань Цин — человек, который лишнего слова боится сказать.

— Больше не болит, я могу приехать и встретить тебя.

Произнеся это, Фань Цин даже выпрямил спину, изображая готовность немедленно сорваться вниз и пробежать восемьсот метров. Разумеется, это выглядело бы куда убедительнее, если бы он не опирался спиной на мягкую подушку.

— Разве ты не жаловался утром, что у тебя болит поясница?

— Просто хотел с тобой поболтать.

Пока он набирал текст, ему было ни капельки не стыдно, но стоило Хао Су повторить эти слова вслух, как Фань Цин затуманено заводил глазами во все стороны. Разве в интернете не пишут, что с парнем нужно уметь кокетничать и говорить всякие нежности, чтобы укреплять отношения? Вот он и сказал, причем довольно смело. Всякие там «братик, поцелуй», «братик, пожалей», «вчера братик был такой крутой», «Цин Цин так сильно любит» и тому подобное — в общем, ни единого словечка не упустил.

— Вот как? Тогда, Цин Цин, повторишь мне это сегодня вечером лично.

Завтра Фань Цюну снова нужно идти на учебу, а это значило, что сегодня вечером Хао Су не станет с ним баловаться. Произнести такое в подобных обстоятельствах — сущее наказание.

Фань Цин посмотрел на это до одури красивое лицо Хао Су и почему-то затаил дыхание. Именно поэтому он и говорил, что братик мастерски умеет наказывать, куда искуснее, чем он мог вообразить. Вчера вечером Хао Су поначалу подстраивался под его заторможенность.

— Как дела?

— Хорошо, у-уже хорошо.

Позже, когда в подстройке уже не было никакой нужды и оставалось совсем чуть-чуть, Хао Су вдруг вернулся к началу.

— Больно?

Его заботливый голос чудовищно контрастировал с тем, что он вытворял. Фань Цин в тот момент не мог даже помотать головой, а изо рта у него вырывались лишь непрекращающиеся

хриплые стоны.

Услышав слова Хао Су, Фань Цин растерялся настолько, что сплел пальцы рук в замок. У него было право отказаться, и Хао Су вовсе не принуждал его, но он всё равно ответил, прикрыв глаза наполовину.

— Я... я пойду готовить, скоро уже полдень.

Ответив, Фань Цин почувствовал себя до предела неуютно, принявшись теребить и без того закрученный край рубашки. Это явно было неосознанное движение, и он даже не заметил, что задрал подол слишком высоко.

— Готовить не нужно, я заказал еду для тебя, скоро принесут.

Хао Су заказал для Фань Цина обед в ресторанчике поблизости, попросив работников приготовить всё и привезти напрямую. Там были исключительно легкие блюда, как раз для Фань Цина.

— И еще, Цин Цин, ты слишком высоко задрал одежду.

Картинка внезапно погасла. Напомненный Хао Су, Фань Цин наконец сообразил, что он только что вытворял: он задрал рубашку едва ли не до корней бедер прямо перед Хао Су, выглядя так, будто намеренно соблазняет его. Так что под самый конец звонка можно было расслышать его невнятные оправдания и смех Хао Су.

Разговор продлился около двадцати минут, и в тот же день к полудню все в больнице узнали, кто же этот господин Фань.

Когда Хао Су вышел к выходу, Фань Цин уже некоторое время ждал там. Даже в защитной маске невозможно было скрыть красоту его глаз и бровей. Тайком и в открытую на него оглядывались многие, заметила его и дежурная медсестра.

— Доктор Хао, почему вы вышли на улицу?

— Встречаю кое-кого.

У самого входа он столкнулся со знакомыми и перекинулся с ними парой слов. После этого все увидели, как он направился прямо к Фань Цюну, слегка наклонился и произнес что-то. Стоявший напротив молодой человек с несколько холодным и отстраненным видом едва заметно кивнул, а потом украдкой потянул Хао Су за руку. Их поведение было донельзя интимным и естественным.

Хотя вслух личность Фань Цина никто специально не раскрывал, увидев такую картину, все всё поняли без лишних слов.

— Так это и есть тот самый господин Фань? Выглядит совсем юным.

— Раньше я даже представить не мог, каким будет доктор Хао в отношениях, а теперь наконец увидел.

— Они так прекрасно смотрятся вместе.

— Интересно, сколько сегодня людей разобьет себе сердца...

За разговорами Хао Су уже привел Фань Цина внутрь. До конца смены оставалось еще немного времени, и он велел Фань Цину пока посидеть в кабинете. Белый халат Хао Су был еще не снят, а сама его профессия придавала ему еще больше незримого очарования. Фань Цин не сводил с Хао Су глаз, шагая рядом. Ему еще ни разу не доводилось видеть Хао Су за работой.

— Хао Су, это... ?

Влюбленный взгляд прервал чей-то голос. Фань Цин узнал в говорившем того самого собеседника, с которым общался по видеосвязи сегодня утром, и поднял на него глаза.

Говоривший был примерно ровесников Хао Су, с широкими бровями и выразительными глазами — весьма правильная и мужественная внешность.

— Это доктор Вэй из соседнего отделения, Вэй Кэ.

Сначала Хао Су представил гостя Фань Цину, а затем приобнял Фань Цина за плечо, даря ему чувство психологической защищенности:

— Мой парень, Фань Цин.

— О, так это и есть господин Фань.

Вэй Кэ заметил смущение Фань Цина и, припомнив слова Хао Су о том, что его парень немного застенчив, не стал особо донимать юношу, лишь добавив в голос толику игривости:

— Ты даже не представляешь, какой популярностью ты сейчас пользуешься в нашей больнице.

Столько лет все считали Хао Су асексуалом, а он вдруг взял и завел роман. Вэй Кэ не стал договаривать, но смысл и так был понятен, отчего лицо Фань Цина под маской моментально запылало еще сильнее. Он знал, что этот человек в хороших отношениях с Хао Су, поэтому, несмотря на внутреннее сопротивление, всё же поздоровался с Вэй Кэ.

— Ладно, не буду вам мешать, у меня еще дела.

Вэй Кэ махнул рукой. Он не стал говорить, что пришел предупредить Хао Су: снаружи кто-то снова прислал ему подарок — в конце концов, парень был прямо здесь. К тому же... Вэй Кэ бросил взгляд на того, кто, войдя в кабинет, помогал молодому человеку снять маску, и беззвучно усмехнулся. Судя по тому, как нежно Хао Су заботится о человеке, если остальные ухажеры об этом узнают, вряд ли станут лезть напролом. А даже если кто-то и решит, что раз Хао Су согласился на отношения, у них есть шанс, он наверняка сумеет с этим справиться.

Вэй Кэ быстро удалился, а Хао Су налил Фань Цину стакан воды и усадил на стул с мягкой подушкой.

— Скоро нужно будет забрать новую оправу для очков, Цин Цин, можешь пока помочь мне выбрать модель.

Коллега, посоветовавший Хао Су салон оптики, чрезвычайно любезно прислал ему ссылку на сайт, где можно было посмотреть ассортимент — отличный способ для Фань Цина убить время.

Услышав это, Фань Цин кивнул.

— Хорошо, иди работай, я справлюсь сам.

— Мм.

Хао Су слегка согнулся в пояснице и не спешил уходить, погладив Фань Цина по затылку:

— Цин Цин только что был просто молодчина, сам первым поздоровался с человеком.

Он знал, что Фань Цин сделал это ради него, но это ничуть не умаляло его желания похвалить парня. Хао Су вовсе не собирался менять характер Фань Цина, но сделать его чуточку более общительным было бы неплохо — в конце концов, живя в обществе, человеку неизбежно приходится контактировать с другими.

Вместо упреков и суровых наставлений такая мягкая похвала всегда сильнее трогала душу и заставляла смущаться. От нежности люди становятся невероятно податливыми, и Фань Цин никогда не был по-настоящему ледяным рядом с Хао Су — тот раз за разом растапливал его сердце, делая всё более мягким.

Фань Цин запрокинул голову и потихоньку обнял Хао Су за талию. Не зная, что сказать в ответ, он в конце концов взял руку Хао Су за тыльную сторону и пару раз легко потерся о нее щекой.

В больнице только и разговоров было, что о появлении того самого господина Фаня, который днем присылал розы, и о том, что Хао Су ходил встречать его лично. Всем стало еще любопытнее, что же за человек сумел добиться согласия Хао Су.

Прошло совсем немного времени, и ответ на этот вопрос нашелся.

[Я его видел, могу лишь сказать, что доктор Хао полностью оправдывает свое звание!]

[Его парень чертовски красив, лицо крошечное, кожа белая, такой утонченный.]

[Судя по возрасту, ему едва за двадцать.]

[И такой тихий, здороваётся и разговаривает вежливо-вежливо, хотя выглядит слегка отстраненно.]

[Доктор Хао сказал, что на следующей неделе хочет угостить всех обедом! Вы уже придумали, куда пойти?]

Хотя Фань Цин всё это время сидел в кабинете, дверь оставалась открытой, и время от времени туда кто-нибудь заходил по делу к Хао Су. Завязывался разговор, люди замечали Фань Цина и из вежливости здоровались с ним.

К моменту окончания смены Хао Су коллеги в общем чате уже всю болтали совсем о другом.

Чуть позже шести вечера Хао Су вернулся в кабинет. Перед тем как снять белый халат, Фань Цин специально сфотографировал его и установил снимок на заставку своего телефона.

— Выбрал?

Это была полупрозрачная серебристая оправа. Лицо Хао Су идеально подходило для очков, и когда его интеллигентная, утонченная аура сталкивалась с холодным блеском металла, в нем проступал тот самый опасный интеллектуальный шарм. Фань Цин больше всего любил, когда он с абсолютно серьезным видом творил всякие несерьезности.

В его голове снова крутились странные мысли, отражаясь в глазах, и Хао Су, заметив это,

легко потрепал его по макушке, поднимая со стула.

Оптика находилась недалеко от больницы, как раз по пути, и они добрались туда в мгновение ока.

В очках Хао Су выглядел ровно так, как и воображал Фань Цин, однако носить их долго он не стал — сразу снял и убрал обратно в футляр. Казалось, он намеренно испытывает чье-то терпение, полностью игнорируя полный ожиданий взгляд Фань Цина.

Выйдя из магазина, Хао Су неспешно шел, держа его за руку, и вокруг царил невероятно уютная атмосфера.

— Цин Цин, почему ты сегодня прислал мне цветы?

Этот вопрос заставил Фань Цина отвлечься от мыслей об очках.

— Без особенной причины, просто захотелось подарить. Я хотел, чтобы ты обрадовался.

Любовь нужно выражать: произносить вслух и проявлять в каждой мелочи повседневной жизни. Фань Цин любил Хао Су, и способ выразить свою привязанность у него был предельно простым.

Впрочем...

— Хао Су, неужели тебе многие признаются? Я утром... слышал, о чем говорил доктор Вэй, он сказал, что тебе и раньше приносили цветы.

— Кто-то действительно присылал подарки, — Хао Су посмотрел на Фань Цина. — Но в моем кабинете стоят только твои цветы.

Что бы ни приносили другие, ничто из этого не переступало порог кабинета Хао Су — исключением были лишь цветы от Фань Цина.

— Мы пара, и Цин Цин совсем не похож на них.

Одна эта фраза мигом развеяла последние сомнения в душе Фань Цина.

— К тому же... — в глазах Хао Су промелькнуло лукавое веселье, и он легонько сжал запястье Фань Цина, на котором еще оставались бледные следы. — Цин Цин сегодня приходил в больницу заявлять права на своего человека, так что впредь, даже если кто-то снова пришлет подарок, я не посмею его принять. Вдруг кто-нибудь на меня пожалуется, и что тогда делать?

Его тон был слегка насмешливым, и хотя Фань Цин не добавлял никого в контакты, Хао Су говорил так уверенно, будто Фань Цин уже держал в руках все нити управления им. Искромётный прием заставил юношу мгновенно забыть о только что волновавшем его вопросе.

Судьба свела их с той самой парой с двадцатого этажа: по дороге назад они снова с ними столкнулись. Хао Су вежливо и тепло поприветствовал соседей, всю дорогу не выпуская руку Фань Цина из своей, так что у любого не осталось бы ни малейших сомнений в том, что они состоят в отношениях.

Утром они с Хао Су договорились, что вечером Фань Цин лично повторит всё то, что написал в сообщениях. Однако вернувшись домой, Хао Су больше об этом не вспоминал. Фань Цин прождал добрую половину дня, но Хао Су, казалось, начисто обо всем забыл.

Уже перед самым сном Фань Цин, глядя на него, то открывал рот, то закрывал, пока наконец не заговорил сам.

— Хао Су, разве ты не просил меня... сказать это лично?

— Сказать что лично? — в голосе Хао Су звучало неподдельное недоумение.

— Ну...

— Поздно уже, завтра тебе на учебу.

С этими словами Хао Су потянул Фань Цина наверх умыться, но нажимал без усилий, так что Фань Цин тут же уперся и остался сидеть.

Резко развернувшись, он оседлал колени Хао Су, с покрасневшими веками и голосом тише шепота:

— Ты больше не хочешь слушать?

В его тоне сквозила крошечная, обиженная нотка. Стоило Хао Су согласиться, как он был готов спрятать голову в песок, но стоило Хао Су замолчать, как он сам полез с этим.

— Разве тебе не было стыдно? Почему теперь снова хочешь говорить?

— Хочу сказать тебе.

Зачитывать вслух то, что было написано в переписке прямо перед Хао Су, казалось верхом безумия, сулящим невероятное потрясение. Фань Цин любил всё, что было связано с Хао Су, включая подобные сцены, пропитанные жгучим стыдом.

Из-за опущенных век его ресницы едва заметно дрожали. Сейчас Фань Цин напоминал котенка, который раскрыл животик и позволяет делать с собой всё что угодно.

— Хао Су.

В том, как он произносил его имя, всегда таилось нечто вроде безмолвной мольбы, а объятия были намертво привязаны к человеку. Хао Су и вправду провел рукой по его животу, отчего Фань Цин залился густой краской, еще даже не начав ничего читать.

— На этот раз Цин Цин сам всё предложил, если потом не сможешь дочитать, отпираться не разрешаю.

С этими словами он перехватил руку Фань Цина, приложил его палец к сканеру отпечатков, разблокировал телефон и передал его юноше.

— Цин Цин сам выбирает, что читать.

Переписка у них была не то чтобы огромной, но и не пустой, и Хао Су сразу промотал ее в самый верх. Когда они только добавили друг друга в друзья, там были лишь дежурные приветствия, но начиная с сегодняшнего утра собеседник Хао Су словно преобразился, и каждая строчка сочилась дерзкой и пылкой откровенностью.

Фань Цин сперва мельком глянул на экран, а затем поднял глаза:

— Хао Су, ты... не мог бы надеть те очки, что мы выбрали сегодня?

На этот раз Хао Су проявил удивительную сговорчивость и без возражений взял со столика оправу, водрузив ее на нос.

В этом утонченном интеллигентном образе он выглядел так потрясающе, что у Фань Цина на мгновение остановилось сердце.

Теперь всё было идеально. Фань Цин начал читать с самой первой фразы.

Он запинаясь, сбиваясь, замолкал на полуслове и снова продолжал. Поначалу он держал голову прямо, но постепенно подбородок сам собой опустился на плечо Хао Су.

— Хочу, чтобы меня... зацеловывали до обморока...

— Наказывай меня сильнее, х-хорошо...

— ...Так невероятно приятно...

Половина лица Фань Цина уже лежала на плече Хао Су, и когда попадались особенно постыдные слова, он пытался пробормотать их невнятно, но Хао Су всякий раз ловил его с безупречной точностью.

— Что сейчас сказал Цин Цин?

И тогда голос Фань Цина звучал чуть яснее, чем прежде — хотя и самую малость.

— Всё равно ничего не понятно.

Пока Хао Су говорил, большой палец его руки медленно сжимал и массировал нежную кожу на задней части шеи Фань Цина, подвергая юношу двойному — физическому и моральному — испытанию.

Перечитав те же строчки еще раз, Фань Цин уткнулся лицом в шею Хао Су, крепко зажмурил глаза и дочитал оставшееся.

После этого открывать глаза он уже не смел. До конца переписки оставалось еще немного, но он проснулся всем существом, оказавшись в объятиях Хао Су.

А Хао Су, словно ничего не замечая, велел Фань Цину дочитать оставшиеся фразы до конца.

Текст был короче предыдущего, но времени на него ушло куда больше.

— Всё дочитал, теперь нужно отдыхать.

Стоило Фань Цину произнести последнее слово, как Хао Су собрался увести его умываться. Но не успели они сделать и шагу, как юноша вдруг подался вперед и шепнул прямо ему на ухо:

— Хао Су, под курткой на мне твоя одежда.

Фань Цин не просто носил вещи Хао Су дома — он был в них и тогда, когда ходил встречать его с работы. Рубашка скрывала следы от поцелуев на коже, а куртка прятала рубашку, и об этом тайне знал лишь один Хао Су.

Обхватив его за шею одной рукой, Хао Су притянул его ближе, а другую его руку прижал к себе.

Фань Цин посмотрел на него:

— Потрогай.

Потрогай, надета ли на мне твоя рубашка.

На Фань Цине была куртка на молнии, и он не стал расстегивать ее, а вместо этого завел руку Хао Су прямо за воротник. Материал рубашки был высочайшего качества, и стоило прикоснуться, как это стало очевидно.

Были и другие очевидные вещи.

Дыхание становилось всё более частым, а расстояние между ними сокращалось до предела. Хао Су не оттолкнул Фань Цина, отвечая даже на его робкие поцелуи. Но когда потребовалось зайти чуть дальше, он крепко прижал его к себе.

— Нельзя, завтра тебе на учебу, к тому же излишества вредят здоровью.

На самом пике, когда всё уже висело на волоске, его вдруг остановили.

Одетый в очки, безупречный и интеллигентный мужчина с непреклонным выражением лица пресек все попытки Фань Цина. Хао Су намеренно давал ему волю, а потом поворачивал всё вспять и отказывал — сущее наказание.

— Хао Су...

Фань Цин с воркованьем попытался снова поцеловать его, но его просто подхватили на руки.

Застигнутый врасплох, он машинально вцепился в Хао Су обеими руками, а его тело задрожало от мимолетного спазма.

— Никакие ласки не помогут, сегодня ложимся спать пораньше.

Произнеся это, Хао Су оставил без внимания даже покрасневшие уголки его глаз, не оставив ему ни единого шанса.

Он завел разговор о предстоящей лекции, пытаясь хоть немного отвлечь Фань Цина.

— Через пару дней я буду читать лекцию в вашем университете, придешь послушать?

Мысли Фань Цина послушно последовали за словами Хао Су. Услышав про лекцию, он распахнул глаза, наполнившиеся слезами:

— Какая лекция?

Он совершенно забыл о том, чем хотел заняться всего мгновение назад.

— По гигиене и здоровью, это совместная благотворительная лекция больницы и вуза, пока предварительно на седьмое число.

Седьмое число как раз приходилось на день внеклассного мероприятия в группе Фань Цина, но

поскольку он заранее не записывался, отсутствие ни на что не повлияло бы.

— Я приду послушать.

— Можно будет записать на видео? Я возьму с собой камеру.

Лекция еще не началась, а Фань Цин уже продумал, что именно захватит с собой.

— На месте будет видеоаппаратура, если захочешь посмотреть, я потом скину тебе копию.

— Вэй Кэ тоже поедет, я веду первую половину, а он — вторую. Если в начале тебе станет скучно слушать, можешь прийти ко мне за кулисы.

Лекция планировалась на утро, и больница дала им полдня отгула, так что возвращаться во второй половине дня не требовалось. Хао Су еще ни разу не был в университете Фань Цина, и они смогут прогуляться вместе.

— Хорошо.

Дорога от гостиной до ванной была короткой, но Хао Су нарочно шел в обход, продолжая болтать целую вечность. Убедившись, что Фань Цину стало намного лучше, он наконец опустил его на пол.

Уже в ванной Хао Су специально проверил следы от вчерашних поцелуев. На теле они уже почти поблекли, заметными оставались лишь те, что располагались ближе к вороту.

— Хочешь, заклеим чем-нибудь?

— Не нужно, на меня никто не смотрит.

Фань Цин послушно задрал подбородок, позволяя Хао Су осмотреть себя. Он говорил правду: несмотря на блестящую успеваемость, он не привлекал к себе особого внимания в группе. К тому же ему не хотелось ничего специально прятать, даже если это и могло привлечь чьи-то взгляды и вызвать у него дичайший дискомфорт.

Закончив говорить, Фань Цин протянул руку и тронул Хао Су в районе сердца.

На теле Хао Су тоже оставались метки, оставленные Фань Цином, и та, что приходилась на область сердца, была самой яркой. Если расстегнуть одежду, она выглядела так, будто в его сердце посадили семечко хундоу.

Хундоу — символ тоски и страсти.

Фань Цин радовался каждому взгляду на нее.

— Завтра ты снова наденешь мою одежду? Если да, я приготовлю всё заранее.

— Можно?

Хотя это был вопрос, в глазах Фань Цина сияли звезды.

— Конечно, можно, — Хао Су снова уступил ему. — Только куртку застегни как следует, иначе кто-нибудь заметит.

Его фраза «иначе кто-нибудь заметит» прозвучала на редкость низко и проникновенно, мгновенно заставив Фань Цина вспомнить ту самую имитацию сцены в библиотеке личного домена, когда тот прижимал его к стене и торопил, предупреждая, что их вот-вот разоблачат.

Впрочем, тогда действительно была чрезвычайная ситуация, а сейчас они всего лишь надевали чужую одежду.

Даже если кто-то заметит, что на нем одежда на несколько размеров больше, чем нужно — ничего... ничего страшного. Сегодняшний день обещал закончиться рано, и Фань Цин, не решаясь больше размышлять об этом, поспешно выдавил на щетку зубную пасту и сунул ее в рот.

— Я буду носить ее аккуратно, — подумав, добавил он, словно стремясь убедить собеседника в своей серьезности: — Я заправлю подол в брюки, так он не будет выбиваться.

Он всегда произносил такие по-детски наивные вещи этим своим холодным, отстраненным тоном. Хао Су посмотрел на него через зеркало: вокруг губ Фань Цина уже образовался ободок из белой пены.

Вскоре настал седьмой день. Когда Фань Цин раньше приходил в университет в одежде Хао Су, никто ничего не замечал. Однако в последнее время он сильно изменился: исчезла та едва уловимая угрюмость, что всегда его окружала, цвета в одежде стали светлее и жизнерадостнее, да и короткая стрижка открыла лицо, которое раньше было скрыто. Внимание к нему возросло многократно. Однокурсники, казалось, только сейчас осознали, что в их группе учится такой симпатичный парень.

Впрочем, как бы они ни относились, Фань Цин оставался прежним: не любил разговаривать и не подпускал никого близко. Поскольку они проучились вместе три года и успели изучить повадки друг друга, это никого не удивляло. Они и понятия не имели, что все эти перемены — заслуга Хао Су. Это он выбирал ему одежду, это он стриг его волосы.

Основной причиной социофобии Фань Цина была среда, в которой он вырос: рядом была только няня. У других детей были родители, друзья, а у него — ничего. Со временем он закрылся в себе и начал бояться любого контакта с внешним миром. Но Хао Су построил для него мост и каждую минуту подкреплял его уверенность. Окутанный такой нежностью, Фань Цин постепенно избавился от гнетущей тоски и теперь весь день чувствовал себя так, словно купался в меду.

Если однокурсники относились к Фань Цину с теплотой и симпатией, то отношение Дай Сюаня становилось с каждым днем все хуже. Поначалу это не бросалось в глаза, но со временем даже окружающие заметили враждебность Дай Сюаня. Только вот никто не понимал, откуда она берется.

— Разве у нас не мероприятие? Куда ты собрался? — друг Дай Сюаня, Чжэн Чэн, с недоумением смотрел на него. Он никак не мог понять: Дай Сюань сам настаивал на организации мероприятия, а теперь сам же сбегает в разгар подготовки.

— Ты не заметил, что сегодня кое-кто не пришел?

— Заметил, сегодня многие отсутствуют.

Все-таки третий курс — до стажировки на четвертом оставалось совсем немного, и многие уже заранее нашли себе компании.

— Я про Фань Цина, — в глазах Дай Сюаня блеснула насмешка. — В какую компанию он может устроиться? Просто боится, что я поймаю его на месте. Ложь остается ложью, я сегодня же выведу его на чистую воду.

— Да что у тебя с ним за счеты? Ну даже если он соврал, тебе-то что? — Чжэн Чэн искренне не понимал, почему Дай Сюань так взъелся на Фань Цина. Если бы не этот конфликт, он бы, наверное, до сих пор не знал, кто такой Фань Цин.

Чжэн Чэн был типичным представителем «золотой молодежи», но, будучи младшим ребенком в семье, не нес на плечах груза ответственности за наследство, поэтому жил в свое удовольствие. Он был оптимистом, чьим главным хобби была еда и развлечения, и на таких людей, как Фань Цин, он никогда не обращал внимания. Дай Сюань был из семьи того же достатка, но единственный сын, поэтому с детства был крайне требователен к себе. Где-то с первого курса Дай Сюань вдруг начал следить за Фань Цином. Сначала Чжэн Чэн не придавал значения тому, как Дай Сюань окликает Фань Цина при всех, но со временем начал что-то подозревать.

— Он тебе просто не нравится? — прямо спросил тогда Чжэн Чэн. — Он что-то сделал, чтобы тебя разозлить?

Дай Сюань ответил отрицательно. Но продолжал вести себя так же. Чжэн Чэн решил, что это глупо, и попытался его вразумить. На какое-то время все стихло, но теперь Дай Сюань снова взялся за старое.

— Дай Сюань, скажи честно, чем он тебя обидел? На вид он совсем не похож на того, кто способен на какие-то пакости.

Фань Цин почти никогда не говорил первым и был очень замкнут. Чжэн Чэн призадумался, и его глаза внезапно расширились от изумления.

— Погоди... ты что, в него тайно влюблен, поэтому и придираешься?

Чжэн Чэн начал поучать его:

— Слушай, если он тебе нравится, признайся прямо. Сейчас уже не модно играть в эти игры — мол, люблю, но буду изводить. Так ведут себя мальчишки... хотя нет, даже мальчишки так не делают. Послушай...

— Что ты несешь? Кто тебе сказал, что он мне нравится? — Дай Сюань нахмурился с таким выражением крайнего отвращения, что признание в симпатии к самому Чжэн Чэну прозвучало бы более правдоподобно.

— Тогда почему ты к нему цепляешься?

— Просто так.

Дай Сюань умолк, и его слова показались Чжэн Чэну бессмысленными и скучными. Чжэн Чэн не любил неприятностей, а с Дай Сюанем дружил только потому, что считал его неплохим парнем. Он уже собрался вернуться к месту проведения мероприятия, но тут Дай Сюань увидел Фань Цина и бросился в ту сторону.

— Дай Сюань, ты куда?

Все-таки они были давними друзьями, поэтому Чжэн Чэн, почесав затылок, поплелся следом.

Когда Хао Су приехал, у Фань Цина как раз была пара, но перед лекцией нужно было все подготовить, так что он ничего не пропустил. На лекцию пришло много народу: кто-то интересовался темой, кто-то пришел ради зачетов. После вступительного слова ведущего Хао Су вышел на сцену.

Фань Цин как раз подошел и занял место, которое Хао Су оставил для него. Он не знал, что за ним увязались два хвоста, которых не пустили внутрь из-за отсутствия билетов.

— Добрый день, — Хао Су представился, и на огромном экране переключился слайд с его должностью и именем. Лекция началась.

На Хао Су был закреплен микрофон-петличка, он стоял у трибуны с той самой элегантной и непринужденной грацией. Слушатели в зале были очарованы им с первой минуты: мужчина в строгом костюме, истинный элитарий, а серебристая оправа очков делала его невероятно привлекательным.

— Я думал, будет какой-нибудь скучный эксперт в возрасте, а тут такой красавец!

— Честно говоря, этот врач выглядит очень солидно, просто слишком уж хорош собой.

— Я просто хочу сказать: я готов!

В зале стоял легкий гул, но все вели себя прилично. Фань Цин изредка слышал отзывы о Хао Су: от обсуждения внешности все постепенно перешли к увлеченности содержанием лекции, а затем — к восхищению его познаниями. Он смотрел на человека на сцене и чувствовал, что Хао Су излучает свет в каждое мгновение. Такой ослепительный... хотелось... крепко-крепко схватиться за него.

На Хао Су была одежда, которую Фань Цин выбрал для него утром, галстук, который он старательно завязал, очки, которые он сам надел на него. Сейчас один был наверху, другой внизу, казалось, между ними нет ничего общего, но втайне они были неразлучными любовниками. Фань Цин вспомнил их утренний поцелуй — теперь те же самые губы произносили слова, которые слышал весь зал. Но только он один владел ими.

Сердце Фань Цина бешено колотилось, он впился ногтями в подушечки пальцев. Он придвинулся ближе к стене; здесь была звукоизоляция из мягких панелей, и возникло странное ощущение, будто он проваливается в пустоту. Он не слушал, о чем говорит Хао Су — он не понимал ни слова, да и не пытался. Но даже если на Хао Су смотрели сотни глаз, только взгляд Фань Цина был таким пронзительным.

Хао Су не нужно было специально искать его в толпе — он безошибочно чувствовал его присутствие. После каждого важного тезиса он бросал взгляд на Фань Цина. Хао Су отвечал только за первую часть лекции, но она длилась долго. Проговорив час без перерыва, он сделал небольшой перерыв и продолжил.

Едва он вернулся за кулисы, как с другой стороны вошел Фань Цин. Хао Су заранее предупредил охрану, так что его никто не остановил.

— Скучно было? — Хао Су снимал микрофон, его голос слегка охрип. Обернувшись, он потрепал Фань Цина по голове. В своем строгом наряде он выглядел очень зрелым, и рядом с Фань Цинем эта разница в возрасте стала очевидной, а тон звучал так, словно он успокаивал ребенка.

Вэй Кэ, который ожидал своей очереди, невольно «наелся собачьего корма»*. Он уже видел их вместе, но не так близко. К тому же он только сейчас узнал, что возлюбленный Хао Су — студент этого университета. Пока Фань Цин не вошел, он успел уточнить это у Хао Су. Впрочем, если подумать, Фань Цин еще на третьем курсе, для Хао Су он и правда совсем ребенок. Вэй Кэ решил, что на следующей неделе заставит Хао Су хорошенько раскошелиться на обед, чтобы компенсировать сегодняшние страдания. Подумав об этом, он взял свой термос и направился к сцене.

— Не скучно, у тебя очень красивый голос.

Хотя Фань Цин не понимал сути лекции, голос Хао Су, пропущенный через микрофон, звучал иначе, чем обычно. Фань Цин смотрел на него и тихо добавил:

— Очень сексуально. И сейчас тоже.

Сейчас его голос был слегка хриловатым, почти как тогда, когда они оставались наедине. И сексуальным был не только голос — весь его облик. То, как он уверенно и легко распоряжался вниманием аудитории, было чертовски притягательно. Фань Цин протянул Хао Су заранее приготовленную воду, чтобы смягчить горло, и внезапно сказал:

— Хочу, чтобы завтра вечером ты был в этом костюме.

В тот вечер, когда он впервые встречал Хао Су с работы, у них ничего не вышло. Хао Су установил график, и следующий «сеанс» как раз приходился на завтрашний вечер. Изначально Фань Цин приготовил другую одежду, посылка уже пришла, но, увидев Хао Су на сцене, он передумал. По сравнению с белым халатом, этот образ успешного элитария нес в себе некое природное превосходство, которое в определенные моменты действовало на нервы куда сильнее.

Тогда они смогут уйти в его Личный домен и воссоздать ту же сцену: он — студент, который пришел на лекцию, но совсем не слушает и только мешает, а серьезный и строгий врач затаскивает его на сцену и задает хорошую трепку.

*«Наесться собачьего корма» — китайский сленг, означающий быть вынужденным наблюдать за проявлениями чужой романтики (быть «третьим лишним»).

<http://bllate.org/book/21608/2228646>